

Т. В. Марадудина

КОНСОНАНТНЫЕ ГРУППЫ ИЗ ТРЕХ СОГЛАСНЫХ В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИКЕ РУССКОГО СЕВЕРА

Метод структурно-фонетического анализа субстратных географических названий все шире внедряется в практику топонимических исследований. Однако степень эффективности этого метода различна и зависит от объективных качеств исследуемого в каждом отдельном случае материала. Результаты структурно-фонетического анализа будут тем объективнее, чем меньше подвергалась изменениям та или иная часть фонетической системы языка-источника субстратной топонимики. Так, очевидно, что структурно-фонетическое изучение консонантизма даст более ощутимые результаты, чем система гласных звуков, поскольку система консонантизма более устойчива к русской адаптации. Особый интерес для структурного анализа представляют консонантные группы, нередко являющиеся дифференцирующими признаками топонимических типов. В этом плане представляет интерес и анализ консонантных групп из трех согласных (в дальнейшем — трехконсонантные группы).

Анализ консонантных групп в субстратных топонимах осложняется тем, что в качестве дифференцирующих фонетических показателей можно использовать лишь сочетания согласных в составе субстратной основы. Группы согласных, расположенные на стыке субстратных основ или субстратной основы и словообразовательного форманта, могут иметь иную, самую разнообразную структуру и не являются различителями топонимических типов. Поэтому при отборе топонимов с трехконсонантными группами не принимались во внимание сложные субстратные топонимы, где такие группы возникли на стыке основ: *Астваж* (*важ*, *веж* «река, ручей»), *Першлахта* (*лахта*, *лохта* «залив»). В настоящей работе анализируются лишь консонантные группы, полностью входящие в субстратную основу (*Ездреньга*, *Пыстррома*), или такие, вторичность которых следует еще доказать (*Лекшма*, *Пельшма*).

Количество топонимов с трехконсонантными группами очень

невелико и составляет всего около 0,3% от общего числа субстратных географических названий (анализируется 55 топонимов). Больше половины трехконсонантных групп (30) приходится на двусложные топонимы на —а. Это естественно, так как, во-первых, такие топонимы могут представлять собой чистые субстратные основы, восходящие к различным топонимическим типам, с окончанием —а, появившимся в результате русского усвоения; во-вторых, часть из них может восходить к трёхсложным топонимам, гласный звук форманта которых редуцировался, а затем и вовсе был утрачен. В этом случае трехконсонантные группы вторичны: они возникают на грани субстратной основы и форманта.

Общей чертой всех трехконсонантных сочетаний является наличие в их составе длительных звуков, обычно двух (70%), а иногда и трех (25%). Топонимы, содержащие один длительный звук в трехконсонантной группе, составляют всего 5%. Наиболее употребительными согласными являются плавные и носовые сонанты, затем идут фрикативные. Эти признаки не являются сколько-нибудь неожиданными, так как вообще стечение трех согласных возможно лишь при наличии по крайней мере одного длительного. Значительно более интересен факт разительного отличия состава трехконсонантных групп, относящихся к топонимическим типам *гласный+ньга*, *гласный+ма*, *гласный+жа* и *гласный+с*¹ от трехконсонантных групп двусложных топонимов на —а. Трехконсонантные группы топонимов на *ньга*, —*ма*, —*жа*, —*с* поразительно однотипны. Из 13 топонимов с этими группами 9 оканчиваются на *р*, а 11 имеют в середине согласные *д* или *т* (ср. *Ездреньга*, *Нондрус*, *Пыстрома*). Состав трехконсонантных сочетаний в двусложных топонимах на —а, напротив, чрезвычайно разнообразен. В конце сочетаний кроме *р* отмечены *л*, *в*, *м*, *н*, *ж*, *т*, *г*, в середине кроме *д* и *т* — согласные *ш*, *с*, *к*, *з*, *м*. Столь резкое различие позволяет предположить, что мы имеем дело с двумя разноплановыми явлениями. В топонимах на *ньга*, —*ма*, —*жа*, —*с* трехконсонантные группы либо являются исконными для языка-источника субстратной топонимики, либо развились из двухконсонантных, состоящих из двух длительных звуков чаще всего с сонантом *р* в постпозиции. Срединные *т* и *д* являются в последнем случае результатом эпентезы, которая могла произойти в ходе русского усвоения субстратных топонимов (ср. русск. *ндрав*, *страм*), или еще в языке-источнике. Отсутствие в рассматриваемых топонимических типах консонантных групп *нр*, *зр*, *ср* (т. е. тех, которые, предположительно, преобразовались в трехконсонантные) при наличии других групп этого вида подтверждают высказанную точку зрения. Действительно, в топонимах на —*ньга*, —*ма*, —*жа*, —*с* нет ни одной из перечисленных групп *нр*, *зр*, *ср*, зато есть группы *вр*, *хр*, *вл*, *зл*, *сл*, *хл*. Такое соотношение групп говорит в пользу эпентетического

¹ В дальнейшем слово «гласный» опускается.

происхождения срединных согласных *m* и *d*. Но свидетельствует ли это о родстве данных топонимических типов, характеризующихся употреблением в них однотипных трехконсонантных групп? Очевидно, нет, так как эта общая черта, возможно, является результатом русского усвоения субстратных топонимов и, следовательно, носит вторичный характер. Но в то же время наличие групп типа *ндр*, *здр* и т. п., даже если они происходят из **nr*, **zr*, **sr*, противопоставляет топонимические типы на —*ньга*, —*ма*, —*жа*, —*с*, другим типам, где трехконсонантные группы или вообще не отмечены, или имеют иную структуру, отличную от групп типа **str*, **ndr*, **zdr*.

Некоторые топонимические типы совсем не имеют (или почти не имеют) трехконсонантных групп. Это может свидетельствовать а) об отсутствии их в языке-источнике; б) о нехарактерности для данного топонимического типа сочетаний длительного неплавного с *p*, *l*, в постпозиции. Действительно, например, в топонимическом типе на *уга* — *юга* отмечена лишь одна трехконсонантная группа (*Сартлюга*) и почти нет двухконсонантных сочетаний длительного неплавного с *p*, *l*. Отмечены лишь сочетания с *v* в препозиции (*Евлюга*), которые, возможно, связаны с дифтонгом (**eu*). Не образует сочетаний длительных неплавных с *p*, *l* и топонимический тип на *гласный* + *ла*. Для сравнения отметим, что названия на —*ньга* содержат десять сочетаний типа *с*, *з* + *p*, *l*. Отсутствие ряда специфических двухконсонантных групп и коррелятивных с ними трехконсонантных сочетаний в топонимических типах на *уга* — *юга* и —*ла* противопоставляет эти типы названиям на —*ньга*, —*ма*, —*жа*, —*с*. Поэтому трехконсонантные группы в некоторых случаях могут использоваться как дифференцирующий признак.

Что касается двусложных топонимов на —*а*, то здесь наблюдается явление иного рода. В самом деле, все формально выделяемые топонимические типы (на —*уга* — *юга*, —*ньга*, —*ла*, —*с* и др.) либо имеют однотипные трехконсонантные группы, либо не имеют их совсем. Следовательно, если бы все двусложные топонимы на —*а* представляли собой чистые субстратные основы, восходящие к тем же топонимическим типам (с русским окончанием —*а*), то они также характеризовались бы однотипными трехконсонантными группами. Между тем, хотя группы согласных *длительный* + *тр*, *др*, специфические для некоторых топонимических типов, отмечены в двусложных топонимах на —*а* (*штр*, *ндр*, *здр*, *стр*, *фтр*), но они составляют меньшую часть трехконсонантных групп (8 из 30). Чем же объясняется разнообразие трехконсонантных сочетаний в двусложных на —*а*? Очевидно, тем, что часть двусложных субстратных топонимов на —*а* представляет собой сочетание субстратной основы с формантом, возникшее вследствие синкопы гласного второго слога. Разберем одну из разновидностей трехконсонантных групп в таких топонимах — сочетание с конечным *м*. Отмечено 9 таких сочетаний, дающих три разновидности (*л'шм*, *ришм*, *кишм*).

Преобладают первые две разновидности, образованные сочетанием трех длительных (8 сочетаний). Очевидно, при стечении трех длительных создаются наилучшие условия для редукции и выпадения гласного, который мог находиться как в основе, так и в начале форманта. В трехсложных топонимах на —*ма* сочетания двух согласных с шипящим в постпозиции встречаются довольно часто (отмечены группы *рж*, *ри*, *ли*, *ни*). Таким образом, можно предположить, что двусложные топонимы на —*а*, имеющие трехконсонантные группы с конечным *м*, возникли из трехсложных топонимов с формантами —*ема* (с шипящим в препозиции) или —*ешма* вследствие редукции и последующего выпадения гласного звука под воздействием стечения длительных согласных. Сказанное подтверждается также и существованием параллельных форм *Пельшма* и *Пельшема*. Интересно, что сочетание *л'ш* всего один раз отмечено в трехсложных на —*ма*, а в двусложных — 6 раз (из 9!). Очевидно, в этом случае условия для редукции были наиболее благоприятными.

Из сказанного следует, что использование полукалек для определения и уточнения формантов должно проводиться очень осторожно. Русский детерминатив не всегда присоединяется непосредственно к древней основе. Топонимы *Лекишозеро*, *Токишозеро* сохраняют, возможно, не только субстратную основу, но и формант, слившийся с ней вследствие редукции.

Итак, анализ трехконсонантных сочетаний приводит к выводу, что не все из них можно использовать в качестве различителей топонимических типов. Для этого, в частности, не подходят трехконсонантные группы двусложных топонимов на —*а*, так как значительная часть их вторична по происхождению и возникла на стыке основы и форманта вследствие русской адаптации. В то же время гипотеза о преобразовании на русской почве двухконсонантных групп в некоторых топонимических типах (напр. на —*ньга*) в трехконсонантные не лишает эти трехконсонантные группы способности служить дифференцирующим признаком, очевидным в том случае, если процесс преобразования двухконсонантных групп в трехконсонантные осуществился в самом языке-источнике субстратной топонимики.